

УДК 94 (5) (093)

**«Востоковедение в Казани:
Восточный факультет
должен существовать
при Казанском
государственном
университете. 1924-1925»**

Р. М. Валеев,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Р. З. Валеева, Д. Р. Хайрутдинов,

*Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**“Oriental Studies in Kazan:
the faculty of Oriental studies
should exist under Kazan
State University. 1924-1925”**

R. M. Valeev,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

R. Z. Valeeva, D. R. Khayrutdinov,

*V. G. Timiryasov Kazan Innovative
University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Российские академические и университетские центры являются уникальными комплексными научно-исследовательскими и образовательными институтами, в которых ведутся исследования как классического, так и современного циклов и реализуются оригинальные профессиональные образовательные программы. На рубеже XIX-XX вв. отечественное востоковедение имело широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Востоковедение в Российской империи, СССР и современной России развивалось в контексте геополитических, политических и культурных факторов и взаимоотношений России – Востока – Европы. Отечественное востоковедение и востоковедческая мысль объективно способствовали осмыслению и раскрытию величия и трагедии истории и культуры народов полиэтнической и поликонфессиональной России: взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов, географического и исторического взаимодействия и в целом феномена социокультурного моста между Востоком и Западом. В XIX – первой четверти XX в. Казанский университет и ряд новых создававшихся гуманитарных институтов Казани становятся центрами по организации изучения восточных языков в России и Европе, в них начинают разрабатываться различные проекты институционального развития ориенталистики. В статье представлен краткий обзор основных проектов и мероприятий по развитию востоковедческого образования и науки о Востоке. Основное внимание уделено публикации неопубликованных материалов из фондов Архива востоковедов РАН, связанных с идеями и мероприятиями по восстановлению восточного факультета в Казанском университете в 1924-1925 гг. и ролью в этом процессе археолога, антрополога, этнолога-сибироведа и писателя В. И. Анучина, который оказался в административной высылке в Казани с разрешением заниматься педагогической и научной работой.

Abstract

Russian academic centers and universities are unique institutions of research and education that carry out researches of both classic and modern periods and implement original professional educational programs. At the turn of the 20th century Oriental studies in Russia had a broad regional and chronological range and a large variety of problems. In the Russian Empire, USSR, and the Russian Federation Oriental studies developed in the context of geopolitical, political, and cultural factors and the relations between Russia, the East, and Europe. Oriental studies and orientalist thought objectively facilitated the understanding and manifestation of the greatness and tragedy of the history and culture of peoples inhabiting the polyethnic and polyreligious Russia, including the interaction between European and Asian historical and ideological symbols, their geographical and historical interrelation, and the phenomenon of the socio-cultural bridge between the East and the West in general. In the 19th – first quarter of the 20th century, Kazan University and some new emerging humanities institutes of Kazan became centers for teaching and learning Oriental languages in Russia and Europe, with a variety of new projects for the institutional development of Orientalism. This paper presents a brief review of the main projects and measures for the development of Oriental education and research. The main focus is on the publication of previously unpublished materials from the Archives of Orientalists of the Russian Academy of Sciences related to the ideas and activities for the reconstruction of the Oriental faculty at Kazan University in 1924-1925 and the role of the archaeologist, anthropologist, ethnologist, expert in Siberia studies and writer V. I. Anuchin, who found himself in an administrative expulsion in Kazan with permission to do educational and research work.

Ключевые слова

Востоковедение, Казанский университет, В. И. Анучин, Россия, Восток.

Keywords

Oriental studies, Kazan University, V. I. Anuchin, Russia, the East.

Благодарность

Исследование проведено в рамках грантов Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00331 и № 20-09-00385.

Acknowledgements

The work is supported by the grants no. 18-09-00331 and no. 20-09-00385 of the Russian Foundation for Basic Research.

В исследованиях по истории российского востоковедения уже упоминались проекты создания, по инициативе Коллегии иностранных дел (1806), на «русском Востоке» (в том числе в Казани) училищ восточных языков. В частности, проект попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского, в ноябре 1806 г. предложившего «учредить при Казанской гимназии “главное для восточных языков училище”»¹. Историк отечественного востоковедения А. М. Куликова обращала внимание на проект создания Азиатского института в Казани в 40-х гг. XIX в.² Историки казанского востоковедения Г. Ф. Шамов, А. С. Шофман, Н. А. Мазитова, С. М. Михайлова в своих работах упоминали различные проекты востоковедного образования и науки, связанные с Казанью, в первой половине – середине XIX в.³ Тем не менее комплексных исследований, освещающих проекты по формированию и развитию востоковедения в Казани в XIX – начале XX в. и в целом в истории российского востоковедения, на сегодняшний день мало.

В дальнейшем нам удалось на базе оригинальных источников из отечественных архивных центров обратить внимание на значимые проекты возрождения

изучения Востока и в целом востоковедения в университете и других центрах Казани во второй половине XIX – начале XX в.⁴

История востоковедения в России в конце XIX – начале XX в. отмечена появлением новых институциональных востоковедческих проектов в сфере высшего образования и их осуществлением во Владивостоке, Ташкенте и Казани.

В последней четверти XIX в. одним из новых востоковедческих центров стал Восточный институт во Владивостоке, который «сыграл важную роль в развитии не только практического, но и научного востоковедения»⁵. В 1920 г. институт был преобразован в факультет Дальневосточного университета.

В первом десятилетии XX в. в газетах и журналах Российской империи – «Туркестанские ведомости», «Новое время» и «Журнал Министерства народного просвещения» – обсуждался вопрос об учреждении в Ташкенте учебного заведения с преподаванием восточных языков. Авторы различных проектов предлагали основать в Ташкенте учебное заведение по образцу Восточного института во Владивостоке (Н. Ф. Сайфи и И. Д. Ягелло); учредить в Ташкенте Восточный институт, «штатные офицерские курсы восточных языков», специальную востоковедческую школу по типу европейских заведений, созданных в азиатских странах (С. Ф. Ольденбург); коммерческое училище с преподаванием восточных языков (В. В. Бартольд) и т. д.⁶

В основном, эти проекты главной целью считали ориентацию на прикладные интересы колониальных властей на окраинах империи. Выпускники этих планируемых учебных заведений должны были знать «местные языки» и отвечать, например, «двоякой потребности – подготовки торговых деятелей и переводчиков ... применительно к потребностям Туркестанского края»⁷. Тем не менее, в программах этих специальных учебных заведений, кроме местных восточных языков, были представлены востоковедные образовательные предметы: история Востока, мусульманское право, быт и устройство народов Кавказа и Туркестана и сопредельных государств, военно-статистический обзор Центральной Азии и др.

На рубеже образования Советского Союза в 1918 г. был создан Туркестанский восточный институт, который в сентябре 1924 г. был преобразован в восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. Задачи, которые ставились перед данным востоковедным вузом в Средней Азии: «научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых-востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения и сопредельных стран»⁸, – также были характерны для подобных проектов в Казани. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. институционализация востоковедения перемещается на азиатские окраины Российской империи и во многом преследует практические интересы разных слоев общества и государства.

В первой четверти XX в. в Казани возникает несколько проектов возрождения востоковедения. Новые проекты востоковедческого образования и науки были направлены на расширение сложившейся системы преподавания восточных языков в Казанском университете и учреждение новых образовательных и научных центров ориенталистики. Интерес представляет записка Н. Ф. Катанова в адрес Совета историко-филологического факультета, датированная 30 ноября 1905 г., по поводу изменения устава Казанского университета⁹. Профессор Н. Ф. Катанов, после краткого обзора преподавания востоковедческих дисциплин в Казанском университете в 60-90-е гг. XIX в. писал: «Чтобы в будущем, в целях изучения Востока,

преподавание на историко-филологическом факультете Казанского университета было представлено с большою разносторонностью и полнотою, следовало бы ввести в круг преподаваемых ныне предметов преподавание еще некоторых других языков и некоторых новых предметов, отчасти применяясь к тому, что уже преподается... и образовать наряду с ныне существующими еще одно отделение, которое можно было бы наименовать отделением востоковедения или, просто, восточным отделением...»¹⁰.

В 1911-1912 гг. по инициативе профессора Н. Ф. Катанова был разработан проект «Положения о курсах для практического изучения восточных языков»¹¹. Окончательный вариант, предложенный им, был выработан на заседании Комитета по делам печати 28 октября 1912 г. В этих проектах основными востоковедными предметами курсов были признаны: «а) казанское наречие татарского языка и отношение его к другим наречиям того же языка... б) арабский язык и его элементы в наречиях татарского языка... в) персидский язык и его элементы в наречиях татарского языка... г) география, этнография и история (угорских и) татарских племен... д) история распространения ислама среди народов семитических, арио-европейских и турецко-татарских... е) мусульманское право вообще и право семейственное, общественное и наследственное в частности... з) постановления, узаконения и распоряжения Правительства касательно Российских инородцев вообще и инородцев мусульман в частности... и) практика татарского языка...»¹²

В 1916-1919 гг. проект создания на историко-филологическом факультете восточного отделения с двумя разрядами – тюрко-татарским и финно-угорским – и даже самостоятельного восточного факультета неоднократно обсуждался на Совете Казанского университета¹³.

В ноябре 1917 г. данной комиссией была подготовлена «Записка об открытии при историко-филологическом факультете Казанского университета Восточного отделения, с разрядами турецко-татарским и угро-финским»¹⁴. Справка включила в себя краткий материал «о закрытии бывшего некогда в Казани Восточного факультета» и «о попытках для расширения преподавания востоковедения при историко-филологическом факультете». Основным итогом работы комиссии стало единогласное решение о том, что: «во-первых, открытие целого Восточного факультета при Казанском университете по материальным соображениям, а также, быть может, по невозможности заместить сразу все кафедры подходящими лицами, пока не осуществимо и что, во-вторых, может состояться открытие в ближайшее время в составе историко-филологического факультета лишь двух разрядов Восточного отделения: турецко-татарского и угро-финского...»¹⁵. Также к августу 1917 г. относится востоковедческий образовательный проект, составленный приват-доцентом Казанского университета Сергеем Маловым. Этот проект включал создание в университете турецкого и финно-угорского отделений. Турецкое отделение состояло из шести кафедр – арабской словесности; персидской словесности; турецкой словесности; монгольской словесности; истории Востока; археологии, искусства и этнографии Востока. В угро-финском отделении были представлены три кафедры – угро-финской словесности; истории и древностей угро-финских племен; этнографии угро-финских племен¹⁶. Этот университетский проект по развитию востоковедения в Казани был обсужден на заседании совета историко-филологического факультета 26 января 1918 г. и представлен в Совет Казанского университета с ходатайством «об учреждении на историко-филологическом факультете Казанского университета Восточного отделения с разрядами турецко-татарским

факультета при Казанском гос[ударственном] университете». Основные материалы этого проекта опубликованы в нашей статье*.

Эти материалы достаточно объективно освещают историко-научные события в Казани после революции 1917 г. и Гражданской войны, радикальные институциональные перемены, взаимоотношения ученых, их связи с представителями ранней советской власти и, в целом, связи востоковедения с задачами социально-политического, экономического и культурного развития советского государства и общества, а также ключевые направления и особенности социально-культурного внимания к вопросам изучения советского и зарубежного Востока. Направления деятельности и основные задачи планируемого востоковедного учреждения были органично связаны с идеологией и практикой развития социалистического строительства и национальных культур в союзных и автономных республиках РСФСР и СССР. Также заметна тенденция оценки центров дореволюционного востоковедения как пережитков буржуазного прошлого и идеологии царского режима. В целом видна линия «советизации» востоковедения в Казани.

Ключевую роль в этих научно-организационных мероприятиях сыграл археолог, антрополог, этнолог-сибиревед и писатель Анучин (Онучин) Василий Иванович (1875-1941/43?) в период его ссыльного пребывания в первые годы советской власти в Казани¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Базилянц А. П., Гринкурз И. М. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII-XIX столетиях // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). – М., 1984. – С. 42; Куликова А. М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII – первая половина XIX в. // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 4. – С. 135; Киселев В. С. «... Чтобы в России заведена была Азиатская Академия: «Projet d' une academie asiatique» С. С. Уварова в истории российского ориентализма // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – № 3 (19). – С. 66-74 и др.
2. Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – М., 1982. – С. 141-142.
3. Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1956. – С. 83-86; Михайлова С. М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX век). – Казань, 1979. – С. 66.
4. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань, 1998. – 380 с.; Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). – Lambert, 2019. – 303 с. и др.
5. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 48.
6. Бартольд В. В. К проекту «Восточного института». – Ташкент, 1906. – 10 с.; он же. К проекту Восточного института // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. – М., 1977. – С. 499-502; Туркестанский Восточный институт (1918-1922). – Таш-

* Авторы выражают благодарность кандидату филологических наук, научному сотруднику ИВР РАН Д. А. Носову и сотрудникам Архива востоковедов ИВР РАН за информацию и предоставленную возможность опубликовать данный материал из фондов архива.

- кент, 1922. – 101 с.; *Лунин Б. В.* Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. – М., 1963. – С. 302-346; он же. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в. – Ташкент, 1962 и др.
7. *Лунин Б. В.* Из истории первого высшего... – С. 315.
8. Там же. – С. 328.
9. ГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1949, л. 135-136 об.
10. Там же, л. 135.
11. Там же, ф. 420, оп. 1, д. 199, л. 14.
12. Там же, л. 5.
13. Там же, ф. 977, оп. ИФФ, д. 2496, л. 25; *Корбут М. К.* Казанский государственный университет за 125 лет существования. – Казань, 1930. – С. 140; Неотложные задачи земств Поволжья. – Казань, 1917. – 76 с.
14. ГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 2496, л. 14-20.
15. Там же, л. 17 об.
16. Архив востоковедов ИВР РАН, разряд III, оп. 3, д. 17, л. 1-4 об.
17. Там же, л. 25-25 об.
18. См.: Архив востоковедов ИВР РАН, разряд III, оп. 3, д. 17. «Восточный факультет в Казани. 1924-1925. Всего 36 страниц и два печатных приложения». Скорее всего, этот собранный материал был передан В. И. Анучиным академику С. Ф. Ольденбургу. На титульном листе данного архивного дела есть приписка карандашом «от С. Ф. Ольденбурга 13.IV.1928».
19. Об Анучине В. И. см.: *Стож М. Е.* Анучин Василий Иванович // Словарь: В 4 ч. – Иркутск, [1915?]. Ч. 1: Писатели, поэты и ученые. – С. 1; Анучин Василий Иванович // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1. – Стб. 127; Письма И. Г. Гольдберга В. И. Анучину / [ст., коммент. В. Трушкина] // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1974. – Т. 3. – С. 276-288; *Азадовская Л. В.* В. И. Анучин в Сибири: легенда и факты // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – Вып. 3. – С. 145-156; *Тенишева Е. А.* Анучин, Онучин Василий Иванович // Русские писатели, 1800-1917: биограф. слов. – М., 1989. – Т. 1: А-Г. – С. 95-96 и др.

№ 1. Вступительное слово В. И. Анучина

Предисловие

Апрель 1925 г.
г. Казань

Вопрос о восстановлении в Казани Восточного факультета имеет большое прошлое, было несколько попыток – всегда неудачных, как неудачно получилась и та, материалы которой здесь собраны.

Я лично сделал попытку осветить вопрос осенью 1923 г. Частное совещание лиц близких востоковедению, созданное мною, горячо откликнулось на призыв. Будучи поставлен в Совете Отделения Востоковедения, вопрос тоже был принят единогласным сочувствием, и Советом Отделения была избрана специальная Комиссия для разработки вопроса в составе: профессоров Анучина В. И.¹, Миронова А. М.² и студентов Житловского и Семенова.

Но с этого же момента начались сильные трения и всплыло множество препятствий, чаще всего местного и сепаратного характера.

Надо сказать, что и сами сторонники восстановления Восточного факультета не были солидарны в представлениях о способах^{*} восстановления, а именно: одни находили, что нужно восстановить недолго существовавшую Восточную академию³ (проф[ессор] Фирсов⁴ и др.); другие считали лучшим учредить не факультет при университете, а самостоятельный ВУЗ (проф[ессор] Миронов и др.); для третьих единственно правильным представлялось восстановить при университете Восточный факультет в полном объеме (проф[ессор] Никольский⁵ и др.); и наконец, четвертая группа, к которой принадлежал и я, полагала, что первые три способа в данных условиях неосуществимы, и что к восстановлению факультета нужно подойти постепенно: принять за основу существующее при Вост[очно]-пед[агогическом] институте⁶ Отделение Востоковедения, и путем привлечения новых сил и подготовки молодых, развернуться в факультет.

Препятствия, которых оказалось довольно много, скоро [...] ⁷ разномыслие у сторонников восстановления Вост[очного] факультета, и они действовали единым фронтом, эволюционируя в своих требованиях при различных фазах вопроса.

Первое и неодолимое препятствие встретилось со стороны Правления Вост[очно]-пед[агогического] института, которое самым решительным образом восстало против того, чтоб Отделение Востоковедения получило научно-исследовательский уклон, требуя, чтоб оно было исключительно Педагогическим.

Хотя наименование Отделения «Отделением Востоковедения» и противоречило в таком случае его задачам, но Правление, желая сохранить в названии института термин «Восточный», настаивало на своем и сильно нажимало на реформистов.

Оставаться под фальшивой вывеской «Отделения Востоковедения», т. е. вводя в заблуждение и центр, и наших студентов, так как Востоковедения у нас не было, а создать его Правление запрещало, оставаться в таком положении было зазорно, и началась длительная внутренняя распря внутри Вост[очно]-пед[агогического] института.

Мы всеми мерами старались ввести в программу Отделения побольше научных дисциплин и настаивали на приглашении новых (для Отделения) сил: Емельянов⁸, Машанов⁹ и др., а учебная часть (т. Линцер¹⁰) душила программу Отделения, вставляя «обязательные» методики, педагогику, дефективность детей и т. п.

В борьбу было замешано студенчество и факультетком, т. е. студенты всех шести отделений, словесники, математики и т. д., обсуждали вопрос: каким должно быть Отделение Востоковедения? Не смотря на протесты студентов нашего Отделения, большинством голосов было решено, что Отделение востоковедения должно быть исключительно Педагогическим.

Мы нашли, что такая коллегия не компетентна для разрешения востоковедческих вопросов.

Положение обострилось. Появились угрозы воздействия ГПУ¹¹. Студенты [не нашего отделения]¹² вслух говорили, что Емельянов, Малов¹³, Машанов и др., которых мы рекомендуем, – это «заядлые контрреволюционеры и бывшие миссионеры, которых нельзя терпеть в стенах ВУЗа».

* Здесь и далее выделения чертой соответствуют выделениям в документе.

Дело приняло серьезный оборот, когда в заседании Совета Отделения Востоковедения преподаватели Губайдуллин¹⁴ и Шараф¹⁵ заявили, что если будут приглашены Емельянов, Малов и Машанов, то они оба выйдут из состава преподавателей.

Тогда я, в качестве декана Отделения, пошел за справками в ГПУ. Там мне сказали (заведующий Секр[етариатом] оперативной части), что ГПУ решительно не имеет ничего против приглашения в Казань Емельянова, Малова и Машанова и что наоборот, если эти профессора окажутся и не совсем советскими, то все таки их нужно привлечь к работе.

Когда я сообщил об этом совету, то преподаватели Губайдуллин и Шараф взяли обратно свои заявления об уходе; внешне прекратились нападки и со стороны факультеткома, но уже, оказалось, был поставлен вопрос о том, что меня нужно сместить с должности заведующего отделением, как противодействующего студенческим организациям.

Надо сказать, что факультетком в целом не имел, да и не мог иметь, определенных представлений о задачах востоковедения в Казани, и всю борьбу против попытки создать востоковедческий уголок с начала до конца провел студент Знаменский (председатель факультеткома), (он с общест[венно]-экономич[еского] отделения), к сожалению, член РКП.

В связи [с] обострением вопроса, нашу комиссию (избранную Советом Отделения) вместе с ректором ВПИ Сингалевичем¹⁶ вызвали к Татглавпрофобру (т. Качкарин), где нам предложено было изложить дело.

В результате т. Качкарин выразил неудовлетворение: «как это вы (Миронов и я), наши профессора, решаетесь говорить против своего ВУЗа, утверждая, что Отделение Востоковедения умирает?»

Заслушав обе стороны, главпрофобр постановил:

– «Отделение Востоковедения должно быть Педагогическим, хотя не исключена возможность краеведческих работ. Что касается востоковедческой организации, не предпреляя ее формы, то по этому вопросу желающие могут дискуссировать».

Так наше дело было проиграно, вопрос о востоковедческой организации снят с очереди, а в скором времени, по настоянию т. Знаменского, был поставлен вопрос о переизбрании декана Отделения Востоковедения (т.е. о моем смещении), что и было сделано. Студент [Франдил] предложила к избранию: деканом – пр[офессора] Губайдуллина, заместителем – Воробьева¹⁷ (он не состоит преподавателем) – они и избраны.

В дальнейшем вопрос о Восточном факультете снова возник осенью 1924 г., когда я сделал попытку провести его через Татсовнарком. Течение и обороты дела видны из прилагаемых документов (в копиях).

Теперь, потеряв всякую надежду на возможность восстановления востоковедческой организации в Казани, я передал настоящую тетрадь, как материал к истории востоковедения в России, профессору А. Н. Самойловичу¹⁸.

В. Ан[учин].

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 3, д. 17, л. 1-6.

№ 2. Докладная записка общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете в Совет народных комиссаров ТССР

27 августа 1924 г.

г. Казань

№ 741

Вследствие предложения СНК ТССР от 16 августа 1924 г. за № 6044, Совет общества археологии, истории и этнографии¹⁹ имеет доложить нижеследующее.

В видах серьезного изучения местного края в его прошлом и настоящем, учреждение восточного факультета в Казани и именно при Казанском университете и желательно, и необходимо, и своевременно. Вытекает это как из истории местных народов, их культур, языков и взаимоотношений, так и прошлого самого Казан[ского] ун[иверсите]та. Обилие местных наречий и взаимное их влияние, разнообразие культур, созданных народами тюркского и финского племен – все это представляет громадный научный интерес, но, к сожалению, слабо изучено, за недостатком вполне подготовленных лиц. Изучение существующих живых наречий в фонетическом, лексическом и синтаксическом отношениях необходимо для истолкования памятников старо-турецкой письменности. Взаимоотношение чувашского и татарского языков, финских племен и наречий может быть изучено надлежащим образом только при строго научной, серьезной постановке дела, каковой не могут представить учебные заведения, даже высшие, если они ставят на первом месте практические задачи, профессиональную подготовку. Помимо такого значения восточных дисциплин, Общество археологии, истории и этнографии находит их необходимыми и в интересах общеевропейской науки. По отношению к целому ряду вопросов европейские исследователи обращают свои взоры на русский восток: там должны разрешиться, по их мнению, вопросы о происхождении и пути проникновения в Европу орудий из нефрита, о родине и путях распространения бронзовой культуры, о взаимном хронологическом отношении бронзовой и железной культур в связи с историей металлургии у монгольских народов. Если присоединить к этому перечню вопросов по полеэтнологии вопросы, поставленные тою же европейской наукой в области языкознания и истории, то еще яснее обрисовывается необходимость учреждения в обширнейшем СССР нового факультета Вост[очных] языков, вдобавок к тем немногим заведениям подобного типа, которые уже имеются, но не всегда служат только чистой науке. Только в восточных факультетах, как они сложились исторически, возможно методически-научное исследование языков, литературы, быта, истории той или другой группы народностей.

И если объектом изучения предполагается поставить тюркские и финские племена Волжско-Камского края и родственные им, то естественно создать такой факультет в Казани, этом издавнем культурном центре всего востока Европейской России, всей Сибири и Средней Азии. В Казани легче, чем где (кроме столиц) найти ученые силы, необходимые книжные пособия и живой человеческий материал – обильную «смесь племен, народов». Но, понятно, только университет может претендовать на усвоение себе восточного факультета: в нем он был бы не совершенной новостью, а восстановлением факультета, существовавшего при нем в середине XIX ст[олетия]. Но востоковедная традиция в нем началась много ранее, с самого начала XIX в., когда в университете были учреждены ориентальные кафедры,

и продолжалась после перевода факультета в Петроград, когда открыты были две кафедры тюркских и финских наречий.

Естественно, что Казанское Общество археологии, истории и этнографии так решает вопрос о желательности и необходимости восточного факультета в Казани, он оживил бы интерес к востоковедению и дал бы возможность шире и глубже поставить изучение тех дисциплин, какие Общество призвано обслуживать. Если общество и ранее это сознавало, почему и выдвинуло в 1919 г. проект восстановления в Казани восточного факультета и интересы востоковедения всегда поддерживало – то теперь, после понижения в стране пульса ориенталистики, оно создается им еще сильнее.

Оно на собственной деятельности видит, как вредны влияния отсутствия в области центра научной мысли с уклоном востоковедным и общее понижение интересов к вопросам ориентологии.

Еще [виднее]²⁰ это подтверждают неуспех основанного год назад в Казани Общества татароведения²¹ и почти полное прекращение работы Саратовского татароведного отделения Всероссийской ассоциации востоковедения. И это при явном оживлении краеведных интересов в СССР, и в частности, в Среднем и Нижнем Поволжье. Есть объекты для изучения, но нет подготовленных научно людей, которые работали бы планомерно, систематически, методически, и еще меньше тех высококвалифицированных специалистов, которые могли бы создать кадры работников на места.

В этом отношении положение настолько печально, что возникает даже опасение, осуществим ли проект в настоящее время. Голод, несколько лет экономической разрухи и недостаток внимания к ученым специалистам, к их материальным нуждам и духовным запросам и более того – подозрительное отношение к ним, лишили Казань целого ряда выдающихся ориенталистов, или скончавшихся (Н. Ф. Катанов²²) или разошедшихся по другим городам: С. Е. Малов – в Ленинград, Н. И. Ашмарин²³ и П. К. Жузе²⁴ – в Баку, А. И. Емельянов – в Пермь, Калима²⁵ – в Гельсингфорс, Б. В. Милер²⁶ – в Москву. Люди, преданные науке и, в частности, востоковедению, предпочитали Казани с древнейшим университетом даже захолустный Симбирск, а иногда мечтали даже о Чебоксарах.

Как можно было бы заменить их в настоящий момент, Общество археологии затрудняется сказать: русские тюркологи и вообще ориенталисты все наперечет и все на местах. Но имея в виду настоятельную нужду в Казани в научно-исследовательском институте с востоковедными задачами, Совет Общества археологии, истории и этнографии позволяет себе надеяться, что Совнарком ТССР изыщет средства и способы к привлечению в Казань, хотя и не столь высококвалифицированных востоковедов, которые могли бы начать работу и постоянно ее усовершенствовать.

Разумеется, необходимо им представить наибольшие материальные выгоды и возможные льготы. Нужны жертвы и сей час же, чтобы не потух свет востоковедения в Т[атарской] Р[еспублике].

Что касается характера того научного института, который должен помочь делу, то Совет Общества археологии, истории и этнографии полагал бы весьма целесообразным, в интересах полноты и законченности научного кругозора будущих востоковедов, открыть при Казанском университете историко-филологический факультет с отделениями при нем турецко-татарским и финским. Этого требует органическая, самая тесная связь востоковедных дисциплин с общим циклом историко-филологических наук. Но, считаясь с экономическими условиями [в]

Т[атарской] Р[еспублике] и всей РСФСР, Совет общества археологии находит возможным для начала создать восточный факультет не полного типа, но с обязательным включением в него таких наук, без которых не может обойтись тюркско-татарская и финская филология (общее языковедение, сравнительное языковедение) и которые необходимы для постижения истории смен народностей и культур в нашем крае (археология, русская история). Общество археологии, истории и этнографии исходит в своем настоящем заключении из научных предпосылок. Но оно не закрывает глаз и на чисто практические и даже политические выгоды от открытия в Казани восточного факультета. Кроме общего развития чисто научных интересов в крае и поднятия как образовательного уровня общества, так и квалификации научных работников, существование здесь высшей востоковедной школы дает научную опору работникам разных профессий – педагогической, административной, торгово-промышленной. Особенно полезно оно будет для оживления краеведения, так как облегчит и ускорит изучение в местном крае величайшей производительности силы – самого человека, к какому бы племени он ни принадлежал. Если теперь провозглашен лозунг: «Труд в союзе с знанием», то из научного знания народностей, населяющих Т[атарскую] Р[еспублику] и сопредельные области, и нужно исходить.

Политическая роль будущего восточного факультета обусловлена признанным уже значением Т[атарской] Р[еспублики], как аванпоста в продвижении на дальний и обширный восток света коммунистической идеологии. Без высшего рассадника востоковедных дисциплин нет возможности удержаться на этой позиции.

Председатель Общества археологии истории и этнографии (Харлампович²⁷).
Верно:

Секретарь админ[истративного] отдела [подпись] (Карпачевский).

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 396, л. 8-12.
Машинописная копия.

№ 3. Докладная записка Правления Казанского университета в Совет Народных комиссаров ТССР

19 сентября 1924 г.
г. Казань
№ 2933

На предложение Совнаркома от 16 августа за № 6043 подвергнуть обсуждению вопрос о желательности и своевременности восстановления Восточного факультета при Казанском государственном университете, Правление университета организовало комиссию для разработки этого вопроса под председательством ректора университета из следующих лиц – проф[ессора] Н. Н. Фирсова, проф[ессора] С. П. Синалевича, проф[ессора] Н. Ф. Никольского, пр[офессора], В. Ф. Смолина, пр[офессора] В. И. Анучина, препод[авателя] Г. С. Губайдуллина. Комиссия эта по всестороннем обсуждении дела представила в Правление университета свои соображения в записке следующего содержания:

«Камско-Волжский район, населенный разнообразными по своему этническому составу и культурному развитию народностями, повелительно ставит задачу о том, чтобы создать здесь благоприятные условия для проведения всех

мероприятий Правительства, направленных на укрепление экономики страны и развитие ее культуры.

В ряду этих условий главнейшее значение имеет, несомненно, просвещение широких народных масс, твердо базирующееся на современных достижениях науки и техники.

В нашем районе, представляющем, как сказано, известную пестроту народностей, вопрос о развитии просвещения требует особого внимания и большой осторожности, поскольку особенности каждой народности требуют в области просвещения особого подхода и метода.

Правда, в настоящее время энергичные меры Правительства направлены на то, чтобы мелкие народности были обеспечены школами на их родном языке и чтобы тем самым они с большой легкостью приобщились к образованию.

Но указанных школ далеко недостаточно, чтобы считать заботы о поднятии просвещения среди мелких народностей завершенными.

Дело в том, что край не имеет специальной высшей школы, работа которой слилась бы с интересами народностей Поволжья и дала бы действительно сильный толчок к культурному совершенствованию их на основе правильного изучения и использования местных как этнографических и культурных, так и экономических особенностей.

Опыт долгого прошлого с убедительностью показал, что отсутствие высшей школы упомянутого характера вредно сказалось на культурности края и его народностей, не давая крови и пищи просвещению по всем его линиям. В результате сказанного, среди народностей Камско-Волжского района наблюдается крайне острый недостаток подготовленных и культурных работников на всех фронтах советского строительства.

А между тем Камско-Волжский район в будущем, несомненно, имеет немалые экономические перспективы, для укрепления которых просвещение в широком значении этого слова должно сыграть первостепенную роль.

Таким образом, в пределах самого Камско-Волжского района имеется величайшая потребность в такой лаборатории, из которой бы вышли просвещенные, высококвалифицированные работники, которые бы на основе знаний всех особенностей отдельных народностей (языка, быта и т.д.) и их территорий, могли бы действительно стать хорошими и деловыми руководителями в разных отраслях хозяйственной, административной и культурно-просветительной деятельности.

Такой лабораторией может быть, конечно, только высшая школа, связанная своей работой с отмеченными интересами народностей края.

Однако упомянутая Высшая Школа может и должна оказать услугу не только в пределах Камско-Волжского края.

В деле внешних сношений с Турецким, Арабским и Персидским Востоком как по линии Наркоминдела, так и Наркомвнешторга Высшая Школа сыграла бы также значительную роль, выпуская работников со знанием соответствующих языков и культурно-бытовых особенностей указанных народов и государств.

Особо оговаривать необходимость высококвалифицированных работников для связи с автономными республиками (Башреспуб[лика], Кир[гизская] республика, Азербайджанская республика и т. д.) в пределах СССР, конечно, не приходится.

Таким образом, создание специальной Высшей Школы в пределах Камско-Волжского района, и именно в Казани, диктуется прежде всего чисто практическими

соображениями, поскольку просвещение и культура поставлены во главу угла административно-политического и экономического строительства СССР.

Наряду с этим, чисто практическим уклоном упомянутой Высшей Школы, имеющей в этом направлении богатые перспективы плодотворной деятельности, комиссия считает необходимым отметить широкое поле деятельности этой школы в области научного исследования.

Дело в том, что народности Камско-Волжского края хранят в своем языке, физическом типе, быте, фольклоре, религии, всех видах памятников прошлого и т. д. богатейшее количество материалов, в научном обследовании которых нуждается не только наша, но и западно-европейская наука для решения многих и многих проблем ориенталистики.

В связи с этим, многие ученые Западной Европы, начиная с XVIII в. посещают местный край, собирают соответствующие материалы, изучают их и таким образом обогащают науку новыми и новыми достижениями.

Немцы, французы, англичане, финляндцы, венгры и т. д. черпают большие научные сокровища из языка, быта и т. д. народностей Камско-Волжского края, и часто на основании этого материала разрешают значительные научные проблемы, высказывая при этом сожаление, что русская ориенталистика далеко недостаточно использует богатый материал.

Но недостаточно интенсивное использование материала объясняется как раз отсутствием у нас такой школы, которая бы действительно, подготовила последователей-ориенталистов.

Правда, мы имеем опыт кратковременного существования Восточного факультета при Казанском университете.

И надо отметить, что основание Восточного факультета и его работа связаны со значительным подъемом русских исследований в области востоковедения и исследований в области изучения местного края.

Перед факультетом лежало широкое поле деятельности в этом направлении.

Однако неожиданно, по личному желанию бывшего попечителя Казанского учебного округа гр. Мусина-Пушкина, Восточный факультет в половине XIX столетия свертывается и переводится в Петербург, будучи оторван непосредственно от той житницы, где черпал богатейшие материалы для своей ученой деятельности.

С тех пор в Казанском университете лишь периодически при историко-филологическом факультете преподавались турецко-татарские языки и лишь редко появлялись исследователи, много отдавшие сил и времени изучению местного края (как например покойный проф[ессор] Н. Ф. Катанов).

В общем, после перевода Восточного факультета в Петербург исследовательская работа велась как в области угро-финских, так и татарских культур весьма вяло, так как она не имела питающей ее базы Высшей Школы соответствующего характера.

И только ученые общества (особенно Общество археолог[ии], истор[ии] и этнограф[ии]), да частные заграничные гости-исследователи поддерживали эту работу, давая все новые и новые решения вопросов угро-финских, татарских и др[угих] восточных культур.

Таким образом, и на фронте научно-исследовательском в народностях Камско-Волжского края таится богатый источник для Высшей Школы, которая бы посвятила свою деятельность этому краю, учитывая его запросы и особенности.

Совершенно ясно, что такого рода школой, преследующей задачи научно-исследовательского и практического характера, и мог бы стать Восточный факультет, или Отделение, входящее в состав Казанского университета.

Отмечая данное обстоятельство. Комиссия считает, однако, своим долгом указать на следующее:

«Создание при Казанском университете Восточного факультета в настоящее время она мыслит себе, как первый шаг на пути к созданию факультета, обобщающего общественно-правовые и экономические науки, куда Восточный факультет войдет в качестве Отделения.

Расширение университета в указанном направлении придаст ему большую полноту и обусловит возможность подготовки работников в более разнообразных сферах административно-хозяйственной и культурно-просветительной деятельности».

Правление Казанского университета разделяя соображения Комиссии, высказывается всецело за создание при Казанском университете Восточного факультета.

Но при этом не может не указать, на те трудности, с которыми связано создание такого факультета.

На первом месте здесь стоит вопрос о профессорах и преподавателях, которые бы могли обеспечить преподавание по соответствующим дисциплинам Восточного факультета.

Не приходится закрывать глаза на то, что в настоящее время силами казанских ученых Восточный факультет не может быть обеспечен.

Поэтому вопрос о привлечении ученых в Казань извне является весьма существенным, благоприятное решение которого и обеспечит реализацию идеи о Восточном факультете.

К сожалению, кадр ученых для обеспечения Восточного факультета в пределах СССР крайне ограничен, и только ликвидация некоторых факультетов ВУЗ, проведенная постановлением СНК РСФСР от 8 августа может создать благоприятный момент для привлечения освободившихся научных сил в Казань.

Для организации факультета, оборудования его учебно-вспомогательных учреждений, помимо приглашения профессорско-преподавательского состава, конечно, потребуются достаточно большие средства.

Оставляя в стороне вопрос об определении размеров потребных средств, как и вопрос о составе факультета и учебных планов, Правление университета, во всяком случае, уверено, что те жертвы и те усилия, какие потребуются для проведения в жизнь проекта восстановления Восточного факультета, с избытком покроются успехами и результатами работы среди народностей Волжско-Камского района, которую будет вести университет в лице своего Восточного факультета во имя науки и культуры.

Ректор университета (проф[ессор] Чирковский).

Управделами Правления (Соловьев).

Верно:

Секретарь админ[истративного] отдела [подпись] (Карпачевский).

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 3, д. 17, л. 17-20.

Машинописная копия.

№ 4. Отношение Совета депутатов калмыцкого народа в Совет народных комиссаров ТССР

15 сентября 1924 г.

№ 5200

Осведомившись о том, что Совнарком Татреспублики принял на себя инициативу по восстановлению Восточного факультета при Казанском государственном университете, Исполнительный Комитет Автоном[ной] области Калмыцкого народа горячо приветствует это начинание и всемерно его поддерживает.

Со своей стороны, принимая во внимание интересы калмыцкого народа. Мы просим присоединить следующие наши неперенные пожелания:

На Восточном факультете должны читаться: а) история калмыков, б) этнография калмыков, в) история буддизма с социологической точки зрения, г) калмыцкий язык.

На Восточный факультет имеют быть принимаемы ежегодно не меньше 20 калмыков, командированных от области из числа имеющих надлежащий стаж.

В Известиях Восточного факультета должны помещаться исследования о калмыцком народе.

Горячо желая успехов в начатом Вами деле. Мы своим представителем по вопросу о Восточном факультете назначили профессора В. И. Анучина-Амурсана.

П[одписи] зампредик (Хотлин).

Секретарь (Фалеев).

Копия верна:

Секретарь адм[инистративного] отд[ела] СНК [подпись] (Карпачевский).

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 3, д. 17, л. 13.

Машинописная копия.

№ 5. Ходатайство Совета народных комиссаров ТССР в Центральный исполнительный комитет СССР о восстановлении Восточного факультета при Казанском государственном университете

В беседе с японским корреспондентом Капучжи Фусе, В. И. Ленин сказал: «Настоящий коммунизм может иметь успех пока только на Западе, однако ведь Запад живет на счет Востока; европейские империалистические державы наживаются, главным образом, на восточных колониях, но они в то же время вооружают и обучают свои колонии, как сражаться, и этим Запад сам роет себе яму на Востоке».

Выступая со своими историческими тезисами по национальному и колониальному вопросам на 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин устанавливает, как незыблемое начало, что «мировой капитализм зависит от колоний, как от источников сырья, с одной стороны, и как от рынков сбыта своих фабрично-заводских изделий – с другой стороны. Колонии составляют оплот империализма.

«Восток обеспечивает мировому капитализму огромную сверхприбыль. Европейскому рабочему только тогда удастся свергнуть капиталистический строй, когда источники, питающие капитализм сверхприбылью, иссякнут».

Отсюда сама собою вытекает программа нашей деятельности на Востоке, так как интересы рабоче-крестьянских масс СССР и угнетенных народов Востока тождественны. Вопрос о конкретных формах этой деятельности тоже не представляет сомнений и достаточно хорошо проработан, но у нас определенно неустойчива

и не широка база для воздействия на Восток, а именно у нас не хватает знаний Востока.

Народы Востока жили в совершенно иных условиях, чем Запад. У них своеобразная история; особый уклад общественной жизни; оригинальное право, философия, религия, традиции; иной темп социальной и экономической жизни, иная структура мысли, – перед нами целый ряд замкнутых дверей, к которым не подходят европейские ключи.

Для того, чтобы иметь наибольший успех на Востоке, нам необходимо всемерно углубить наши знания Востока, а для этого неизбежно нужно проделать огромную черновую работу, может быть малопривлекательную, ввиду ее большой трудности и сухости, но абсолютно необходимую. Нам нужны лаборатории востоковедения и высококвалифицированные востоковеды.

При этом надо сразу ставить вопрос возможно ясно и отчетливо: нам нужны именно лаборатории востоковедения, а не только школы, выпускающие востоковедов; нам нужны высококвалифицированные востоковеды в смысле узких специалистов, как нужны, например, специалисты-химики.

Химия и востоковедение – вот те орудия, при помощи которых мы одержим победу, а потому нужно пожертвовать небольшим количеством людей и отправить их в лаборатории, обрекая на чрезвычайно узкую специальность.

Эти же востоковедческие лаборатории должны послужить школой и источником знаний для тех многих, которые пойдут на широкую общественную, политическую и пропагандистскую работу.

Но это только одна сторона дела. Помимо внешнего Востока у нас имеется свой внутренний Восток: целый ряд восточных народов входит в состав СССР – и надо признать, что и в отношении их наши знания оставляют желать лучшего.

Кроме того, ни для кого не секрет, что руководители советских аппаратов в туземных союзных республиках и в автономных областях часто не могут найти себе сотрудников, владеющих знаниями края и его народа; не секрет, что так трудно бывает найти людей, чтоб послать в Сов[ет] национальностей, где так необходимы глубокие знания края и его особенностей.

И здесь опять нужна та же самая углубленная лабораторная работа, если не предшествующая, то, по крайней мере, одновременная, с работой по созданию кадров востоковедов-общественников.

Такой лабораторией востоковедения и одновременно школой является Восточный факультет университета, которых у СССР должно быть не один-два, а несколько. Само собой, понятно, что наши Восточные факультеты не будут иметь ничего общего, в смысле методов работы, с теми «Восточными» факультетами, которые существовали во времена царской бюрократии.

Если наши существующие востоковедческие организации имеют цель создать кадры работников для стран Востока, то нельзя не признать, что в силу обстоятельств времени, они выполняют свою работу на скорую руку и даже кое-как, лишь бы удовлетворить вопиющие запросы момента, – работа Восточного факультета будет носить иной характер: здесь Восток будет изучаться углубленно и лабораторно. Здесь, с одной стороны, будут накапливаться и вырабатываться объективные знания Востока, здесь будут работать специалисты на пользу освобождающегося человечества; с другой стороны, здесь будут формироваться практические работники для стран Востока, работники, отшлифовкой которых займутся потом учреждения вроде Института полпредов и драгоманов.

Нет надобности говорить о том, что Восточный факультет советского типа должен быть хорошо оборудован кабинетами, музеями, библиотеками и т. п., отсюда, принимая во внимание финансовую сторону, очевидно, что в ближайшее время мы не будем в состоянии организовать нескольких факультетов, хотя это и желательно, но нам нужно приложить все усилия к тому, чтобы возможно широко использовать те востоковедческие богатства, которые в настоящее время лежат втуне и не работают. Основы для создания Восточных факультетов у нас богатые, накоплений очень много, и следовательно, вопрос о том, где именно, в каком пункте СССР создавать Восточный факультет, этот вопрос больше всего зависит от того, где больше данных, больше накоплений – где с наименьшими затратами можно наилучше оборудовать факультет. Важны именно эти накопления, необходимая обстановка работы (музеи, кабинеты, библиотеки), так как живую рабочую силу легче перебросить в тот или иной пункт.

При решении вопроса о том, где целесообразнее всего учредить Восточный факультет, очень немалое значение будет иметь и то обстоятельство, что у нас есть народности, принадлежащие к восточному миру – естественнее всего именно в них искать точку опоры и исходный пункт.

В этом отношении небезынтересен следующий небольшой экскурс в область прошлого.

Россия, будучи территориально на две трети азиатским государством, включая в себя множество восточных народов, она, казалось бы, должна была занимать первое место в области изучения востоковедения, на самом же деле Россия в этом отношении до последнего времени тащилась в хвосте других народов, занимая место после крошечной Голландии.

Это объясняется тем, что руководители общественной жизни и само правительство царского времени всегда недооценивали роли России в азиатских вопросах, как недооценивали и предстоящей роли народов Востока в жизни мира.

Правда, умные люди всегда говорили нашим правителям, что если они хотят владеть востоком, хотят держать его в руках, то они должны хорошо знать его, но эта бесспорная по существу мысль не находила поддержки, и, в конце концов, Россия жестоко поплатилась за незнание Востока во время русско-японской войны.

Угнетать народы Востока Россия умела, а знать их не желала и тем более не желала затрачивать средства на получение таких знаний, но сама жизнь властно предъявляла требования в этом отношении, и дело изучения Востока все-таки издавна существовало в России, хотя и в очень жалком виде.

Первым указавшим на полную необходимость востоковедения у нас был В. Н. Татищев, который говорит об этом в своем сочинении «Разговор о пользе наук и училищ» (1733 г.). Чрезвычайно характерно то, что отвечая на вопрос, где именно нужно положить начало востоковедческой организации, Татищев в первую очередь указывает на г. Казань (стр. 104)²⁸.

Для своего времени Татищев (1686-1750 гг.) был высокообразованный человек, кроме того он лично долго работал в Сибири и Поволжье, а потому нет ничего удивительного в том, что он так блестяще определил будущую роль Казани в деле востоковедения.

Указание Татищева было безошибочно – Казань заняла и долго занимала первое место в России в деле изучения Востока. Первый Восточный факультет в России был открыт при Казанском университете: Казань надолго стала культурным центром русского и даже ближнего зарубежного Востока. Большая часть литературы

по востоковедению прошла через станки типографии Казанского университета. В Казани издана почти вся целиком многоязычная литература наших туземцев. Что именно Казань является наиболее удобным пунктом для роли культурного центра наших восточных народов – это особенно подчеркивается тем, что именно здесь в Казани создано было орудие воздействия на туземцев – миссионерское гнездо.

Но открывать и поддерживать культурные центры для туземцев отнюдь не входило в планы царского правительства, скорее наоборот: оно готово было придушить всякое культурное движение. Зная свои грехи, правительство очень недоверчиво относилось к туземцам, всегда подозревало их в сепаратизме, в желании отомстить за бесконечные обиды. Отсюда востоковедение и востоковеды всегда считались неблагонадежными. Культурная роль Казани не нравилась центру, и работы Казани всегда тормозились из Петербурга.

Но строгого контроля показалось мало, и вот правительство постановило перенести Восточный факультет из Казани в Петроград.

Причем мотивом к этому цинично было указано более удобное и сподручное наблюдение жандармерии за студенчеством.

Восточный факультет в Петрограде не получил блестящего развития, а Казань, не взирая на тяжелую ампутацию, продолжала свою деятельность, хотя и сильно придавленную.

Затем начинается длительный период попыток со стороны Казанской общечественности исправить ошибку. Совет Казанского университета дважды возбуждал ходатайство о восстановлении при нем Восточного факультета: этот же вопрос серьезно и основательно поставило «Общество археологии, истории и этнографии»; местная пресса многократно и горячо ратовала за восстановление Восточного факультета.

Но ни доводы, ни здравый смысл, ни понимание государственных интересов, ничто для правительства не имело значения и оно, отняв душу у востоковедения, упорно отказывалось ее возвратить и только все больше косилось на неблагонадежную Казань.

Этот печальный период дикого произвола тянулся до самой революции – и глубоко показательно, что сам народ в первые же дни революции вспомнил о Восточном факультете.

В мае 1917 года состоялся в Казани «Первый съезд племен Поволжья»²⁹, который указал на «настоятельную необходимость немедленной (с осени того же года) организации в крае специальных учреждений для изучения русского Востока и, между прочим, о восстановлении Восточного факультета».

Бурные политические события помешали осуществлению этого постановления съезда.

Правда в октябре 1917 года был открыт в Казани Северо-Восточный археологический институт³⁰, но события того времени не располагали к развитию ученых учреждений, кроме того институт, будучи самостоятельным учреждением, требовал очень значительных расходов.

Институт был ликвидирован, и его заменила Восточная академия, которая просуществовала очень недолго, будучи превращена в Отделение востоковедения при Педагогическом институте.

Трудно придумать более неудачный исход, – и противоестественный симбиоз очень скоро обнаружился. Будучи пристегнуто к педагогическому учреждению,

Отделение востоковедения неизбежно должно было превратиться тоже в педагогическое, но это вопиющим образом противоречило его научно-исследовательской сущности, и Отделение востоковедения стало медленно умирать в ненадлежащей обстановке, в каком положении застают его и настоящие дни.

Вместе с Отделением востоковедения, превращающимся в педагогическое, т.е. в лице его угасает последняя искорка востоковедения в Казани.

Не говоря уже о близких Сибири и Киргизии, на огромном пространстве Приуралья и Поволжья, где живет около шести миллионов восточных племен, нет теперь ни одного ученого, ни даже учебного заведения, специально посвященного востоковедению.

Теперь возникает вопрос: допустимо ли, чтобы Казань отказывалась от востоковедческой работы, будучи наиболее пригодным пунктом и наиболее оборудованным?

Едва ли здесь может быть два ответа, или какие-либо сомнения.

Наилучший и безукоризненно-точный ответ в этом отношении дан т. наркомом просвещения А. В. Луначарским, который во время посещения Казани в начале октября сего года сказал: «Казань всегда была крупнейшим культурным центром турецких народностей». Теперь эта культурная роль Казани должна быть в полной мере восстановлена.

Мы имеем и другие крупные коммунистические центры воздействия на Азию, как: Баку, Ташкент, отчасти Тифлис, но вряд ли они могут сравняться по глубине культурных корней, по всей культурной обстановке с Казанью.

Эта исключительная роль Татарии сказывается еще в наплыве молодежи в Казань, – так недавно, не спросив Татнаркомпроса, сюда прислали³¹ десять китайских татар.

Все это свидетельствует о том, что Казань мощно и широко начинает притягивать к себе наиболее подвижную молодежь народов Востока. Во всяком случае, необходимо утвердить значение Казани как центра для Востока».

К сказанному А. В. Луначарским нечего прибавить – и остается осветить вопрос со стороны возможности практического осуществления поставленного им задания.

Совершенно ясно, что первым шагом в указанном направлении должно быть восстановление Восточного факультета при Казанском гос[ударственном] университете.

В этом отношении за Казанью не только заслуги прошлого, но и нечто более реальное, напр[имер], Казань, как никакой другой город, богата оборудованием для Восточного факультета.

В отношении книжных богатств здесь имеются: а) обширный отдел востоковедения в библиотеке Гос[ударственного] университета; б) не менее богатый отдел в библиотеке бывшей Духовной академии; в) богатейший отдел восточных рукописей и книг (в том числе немало книг³²) в Центральной татарской библиотеке; г) очень значительная библиотека восточных книг в кабинете востоковедения.

При Гос[ударственном] университете сохранились и находятся в полном порядке: 1) этнографический музей, коллекции которого собирались почти 100 лет, здесь почти 100 % материалов относятся к странам Востока; 2) Археологический музей большой и богатый, собранный Обществом археологии, преобладает восток; 3) кабинет нумизматики (90 % коллекции восточных), располагающий редкими вещами; 4) антропологический кабинет; 5) кабинет искусств; 6) кабинет филологии.

Все эти кабинеты, оставшись вне факультетов, или совершенно не работают, или очень слабо работают, но при восстановлении Восточного факультета они составят его базу, ибо они прекрасно оборудованы.

Кроме того, в стенах Гос[ударственного] университета есть несколько работающих, находящихся в ведении Вост[очно]-педаг[огического] института, кабинетов, напр[имер] Кабинет сравнительного языковедения, кабинет экспериментальной фонетики и т. д., которые могут быть используемы совместно.

Таким образом, основа для Восточного факультета, его академическая база имеется в Казани налицо и полностью.

Что касается рабочей силы для факультета, то в Казани имеется несколько молодых ученых татар и нацменов, которые за отсутствием Вост[очного] факультета не могут работать по специальности, а вынуждены служить в советских гос[ударственных] учреждениях.

Вообще же привлечение ученых сил не представит непреодолимых препятствий.

При наличии всех вышеуказанных условий, едва ли хоть что-либо можно сказать против того, что Казань наиболее удобный во всех отношениях пункт для открытия здесь Восточного факультета и факультет здесь должен быть восстановлен.

И острая местная нужда, и надвигающиеся события на Востоке не оставляют возможности откладывать дело и затягивать его.

В силу всего вышеизложенного, Совнарком Татареспублики просит:

Вынести постановление о восстановлении в срочном порядке Восточного факультета при Казанском гос[ударственном] университете.

Что касается способа и порядка осуществления, то установление таковых поручить Наркомпросу СССР по соглашению с Совнаркомом Татареспублики.

Председатель совнаркома ТССР (Габидуллин³³).

Управделами (Муратов).

Прилагаются в копиях:

Докладная записка Общества археологии, истории и этнографии при Казан[ском] гос[ударственном] университете за № 741 от 27 авг[уста] с[его] г[ода].

Докладная записка Правления Казанского университета, за № 2933, от 19 сент[ября] с[его] г[ода].

Отношение Совета депутатов Калмыцкого народа, за № 5200 от 15 сент[ября] с[его] г[ода].

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 3, д. 17, л. 26-34.

№ 6. Записка В. И. Анучина, составленная по поручению Председателя Совета народных комиссаров Х. З. Габидулина

Эта записка составлена мною по поручению Предсовнаркома т. Габидулина. Записка не была отправлена по назначению, так как снова началась борьба и появились тормозы. Прежде всего, запротестовал главпрофобр (т. Качкарин), упирая на то, что Совнарком не может действовать в обход глафпрофобра.

Меня опять потянули по начальству, причем у меня произошел бурный разговор и с главпрофобром (т. Качкарин), и с заведующим Акадцентром³⁴ (т. Максудов³⁵).

Мне наконец объяснили причины неблагоприятия к Вост[очному] факультету. Оказалось, что университет является исключительно «центральный» (с подчинением центру) учреждением, а ВПИ, хотя и содержится за счет центра, но более

послушен местным властям, а потому усиливать университет новым факультетом за счет ВПИ – противоречит интересам места.

Т. Максудов намекнул мне, что, несмотря на то, что профессора за меня, и что Тат. Совнарком тоже меня поддерживает, есть все-таки люди, которые склонны рассматривать меня как врага татарского народа».

И хотя вскоре после этого секретариат областного комитета партии тоже высказался за необходимость восстановления востоковедческой организации в Казани, все-таки было ясно, что препон делу много. Ряды сторонников востоковедения-активистов значительно поредел; казалось неблагоприятным идти против рожна. Это тем более, что ученый мир столиц не откликнулся на призыв о помощи, и даже не ответили на письма.

Я лично считал, что дело все-таки небезнадежно. «Враг татарского народа» – это [...] ³⁶ с целью застрашивания. Что превращение Отделения востоковедения в подлинно востоковедческую организацию чем-то сужает поле распорядительной деятельности персонально двух лиц Тат. Главпрофобра и заведующего Тат. Академцентром – с этим капризом не следует считаться. Что ВПИ желает сохранить в титуле слово «Восточный», так это не мешает делу. Только нужно не особое отделение иметь, а действительно востокизировать весь институт, и напри[мер], будущий преподаватель истории, несомненно должен знать историю Востока, хотя бы в объеме краеведения.

Исходя отсюда, я продолжал свою «ошибку». В декабре 1924 г. слушатель Отдел[ения] востоковедения Капитонов (коммунист) написал на меня донос в ГПУ. Таскали на допрос. В феврале [1925] ³⁷ ГПУ постановило выслать меня в административном порядке на три года в Весёгонск ³⁸.

В конце марта 1925 [г.] Верховный суд отменил постановление о ссылке. Я раздумал интересоваться востоковедением в казанских условиях.

Апр[ель] 1925 г.

Архив востоковедов ИВР РАН, ф. III, оп. 3, д. 17, л. 34-36.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Анучин Василий Иванович (1875-1941/43?) – археолог, антрополог, этнолог-сибиревед и писатель.

2. Миронов Алексей Максимович (1866 – после 1929) – историк искусства, педагог, музейный работник, коллекционер, профессор (1914), заслуженный профессор (1916). С 1906 г. на кафедре теории и истории искусств в Казанском университете. В феврале 1919 г. по всероссийскому конкурсу был избран в число профессоров Казанского университета. С 1922 г. и. о. декана факультета общественных наук Казанского университета. Также преподавал общую историю искусств в Казанских государственных архитектурно-художественных мастерских (1918-1926 гг.). С 1919 г. член отдела по делам музеев и охраны памятников старины Наркомата просвещения ТАССР. С 1926 г. в Ташкенте, профессор Среднеазиатского университета, заведующий музейной секцией университета по делам музеев Востока.

3. Восточная академия – высшее учебное заведение в Казани. Создана решением Наркомата просвещения ТАССР (1920 г.) и открыта осенью 1921 г. на базе Северо-Восточного археологического и этнографического института для подготовки педагогических кадров для национальных школ Поволжья, музейных работников и административных кадров. Курс обучения состоял из трех лет. В 1922 г. Восточная академия была ликвидирована и вошла в состав Восточного педагогического института.

4. Фирсов Николай Николаевич (1864-1933) – историк, доктор русской истории (1902), статский советник (1903). Сын Фирсова Николая Алексеевича (1831-1896).
5. Никольский Николай Васильевич (1878-1961) – языковед, педагог, этнограф, общественный деятель, магистр богословия (1913), доктор исторических наук (1947). С 1915 г. приват-доцент кафедры церковной истории Казанского университета, с 1918 г. профессор, с 1919 г. на факультете общественных наук. В 1917 – начале 1918 г. председатель Казанской губернской земской управы. В 1921-1922 гг. ректор Восточной консерватории. С 1922 г. преподаватель этнографии и чувашского языка в Восточном педагогическом институте. В 1931 г. был арестован, вскоре освобожден (уволен из института). В 1933 г. вновь арестован и снова освобожден. В 1940-1950 гг. работал старшим научным сотрудником в Марийском НИИ языка и литературы (г. Йошкар-Ола), преподавал в Марийском педагогическом институте.
6. Восточно-педагогический институт создан в 1922 г. Готовил кадры учителей и работников культуры для республик Волго-Уральского региона. В 1930-1931 гг. на базе национальных отделений были созданы педагогические институты в гг. Чебоксары, Йошкар-Ола, Ижевск. В 1931 г. Восточный педагогический институт переименован в Татарский педагогический институт (Казанский государственный педагогический институт).
7. Слово не читается.
8. Емельянов Аркадий Иванович (1879-?) – этнограф, филолог, финно-угровед и тюрколог. В 1917-1921 гг. преподавал марийский и финский языки, этнографию финно-угорских народов и введение в финно-угроведение в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте. В 1921/22 учебном году работал профессором финно-угорских языков в Саратовском университете, в 1922/23 г. – профессор финно-угорских языков и этнографии Самарского университета. В 1923-1925 гг. – преподаватель Пермского университета, где вел курсы финно-угорских языков и этнографии. В 1924 г. заведовал этнографическим отделом Пермского краеведческого музея. В 1925 г. переехал в Ленинград, где в 1925-1931 гг. был доцентом кафедры финнологии ЛГУ и вел занятия по венгерскому и марийскому языкам в Историко-лингвистическом институте.
9. Машанов Михаил Александрович (1852-1924) – миссионер, востоковед, общественный деятель. С 1887 г. профессор Казанской духовной академии. В 1919-1920 гг. читал курсы по истории ислама в Восточной России, исламоведению и арабскому языку в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (г. Казань), профессор (1920). В марте 1921 г. был арестован в числе 19 профессоров по делу незаконного функционирования Казанской духовной академии, был приговорен к одному году концлагерей условно.
10. Линцер Герман Федорович (1874-1946) – литературовед. С 1923 г. работал в Восточном педагогическом институте, заведующий кафедрой всеобщей литературы, профессор (1930).
11. Государственное политическое управление при НКВД РСФСР – орган государственной безопасности в РСФСР.
12. Дописано над строкой.
13. Малов Сергей Ефимович (1880-1957) – тюрколог, языковед, доктор языковедения (1935), член-корреспондент АН СССР (1939).
14. Губайдуллин Газиз Салихович (1887-1937) – историк, доктор исторических наук (1927), профессор (1927), общественный деятель, публицист.
15. Шараф Галимзян Шарафетдинович (1896-1950) – общественный и политический деятель, языковед.
16. Сингалевич Сергей Платонович (1887-1954) – педагог, историк. В 1922-1938 гг. в Восточном педагогическом институте (Казанский педагогический институт, ректор в

1922-1929 гг.), проректор института в 1929-1932 гг. В 1938 г. репрессирован, до 1946 г. находился в заключении (реабилитирован посмертно в 1956 г.).

17. Воробьев Николай Иосифович (1884-1967) – этнограф, географ, историк, доктор исторических наук (1945). С 1917 г. научный сотрудник Северо-Восточного археологического и этнографического института. С 1922 г. заведующий этнографическим и естественно-историческим отделами, директор Государственного музея ТАССР. В 1934-1945 гг. декан географического факультета Казанского педагогического института, профессор Казанского университета.

18. Самойлович Александр Николаевич (1880-1938) – востоковед, тюрколог, академик АН СССР (1929). Выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1903), приват-доцент (1906-1917), экстраординарный профессор (1917-1918), профессор (1918-1930). В 1922-1925 гг. ректор Ленинградского восточного института. В 1929-1933 гг. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР. В 1934-1937 гг. директор Института востоковедения АН СССР.

19. Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете (1878-1931) – краеведческое научное сообщество. Образовано решением Четвертого археологического съезда в Казани (июль – август 1877 г.).

20. Ошибочно напечатано слово – вижее.

21. Научное общество татароведения создано 22 апреля 1923 г. в Казани. С начала образования входило в состав Академического центра Наркомата просвещения ТАССР, с 1927 г. – при Доме татарской культуры, с 1929 г. – секция культуры и быта Общества изучения Татарстана. В 1925-1930 гг. издавало печатный орган «Вестник Научного общества татароведения».

22. Катанов Николай Федорович (1862-1922) – тюрколог, этнограф, профессор Казанского университета (1894), доктор сравнительного языкознания (1907).

23. Ашмарин Николай Иванович (1870-1933) – языковед, тюрколог, доктор тюркологии (1925), член-корреспондент АН СССР (1929). С 1917 г. работал в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте в должности профессора чувашского и татарского языков. В 1923-1926 гг. заведовал кафедрой тюркологии на восточном факультете Азербайджанского государственного университета. В 1926-1931 гг. – профессор чувашского отделения Восточно-педагогического института, вел курсы чувашского языка, сравнительной грамматики тюркского языка и др.

24. Жузе Пантелеймон Крестович (Бандали ибн Салиба аль-Джаузи) (1870-1942) – востоковед, доктор арабского языка и словесности (1921). В 1912-1913 гг. преподавал в Казанской духовной семинарии, в 1919-1920 гг. профессор кафедры мусульманского права Казанского университета. В 1920-1937 гг. в Азербайджанском университете: профессор кафедры арабского языка и литературы, в 1922-1926 гг. декан восточного факультета и заведующий кафедрой истории и этнографии народов Ближнего Востока. С 1937 г. сотрудник Института истории Азербайджанского филиала АН СССР.

25. Калима Ялло Гугонович (Jalo Lahja Kalima) (1884-1952) – финский лингвист, славист, финно-угровед. Окончил курс историко-филологического факультета императорского Александровского университета в Финляндии. В 1907 г. в этом университете сдал экзамен на степень магистра. В 1915 г. сдал экзамен на степень доктора и защитил докторскую диссертацию «Die ostseefinnischen Zehnworter im Russischen» (Десять слов балтийских финнов по-русски). С 1911 г. был переводчиком при императорском Финляндском Сенате, а с 1916 г. преподавал финский язык в Гельсингфорском университете. В 1917 г. избран профессором финно-угорских языков в Казанском университете, в конце 1917 г. вернулся в Финляндию. В 1935-1952 гг. профессор славянской филологии в Хельсинкском универ-

ситете. Автор филологических работ, посвященных угро-финской филологии (см.: ГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 2406, л. 47-48 об.).

26. Миллер Борис Всеволодович (1877-1956) – иранист, доктор филологических наук (1939), окончил юридический факультет Московского университета (1900) и Лазаревский институт восточных языков (1904). В 1904-1917 гг. служил в Министерстве иностранных дел, занимал различные дипломатические посты в странах Ближнего Востока (Иран, Турция, Марокко). В 1919-1922 гг. жил и работал в Казани, куда приехал с женой из Петрограда, спасаясь от голода и погромов осени 1919 г.

27. Харлампович Константин Васильевич (1870-1932) – историк, доктор церковной истории (1914), член-корреспондент Петербургской АН (с 1916 г.), академик Украинской АН (1919). В 1922-1924 гг. председатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С середины 1920-х гг. начал подвергаться преследованиям по обвинению в антисоветской деятельности, в 1925-1928 гг. находился в ссылке в Казахстане (гг. Актюбинск, Тургай).

28. В своей книге В. Н. Татищев в вопросах и ответах (70-73) говорит о важности изучения языков народов России. Например, в вопросе 71 о языках подданных государства, «которые из сих нужнее и где для научения школы учреждены» В. Н. Татищев отвечает: «Нужнейшим почитаю три: 1) Татарский, которого удобнее всех мест в Казани, Тобольске и Астрахани, а особливо ныне и в Оренбурге обучать...»; «а притом как между Татары многие в арабском языке ученые находятся, то могут и арабского обучаться» (см.: *Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указателями Нила Попова.* – М., 1887. – С. 104).

29. Первый съезд мелких народностей Поволжья – национальный форум народов Среднего Поволжья и Приуралья состоялся 15-22 мая 1917 г. в Казани.

30. Северо-Восточный археологический и этнографический институт – высшее учебное заведение в Казани. Открыт 4 октября 1917 г. в целях подготовки научных кадров и организации научных исследований в составе археологического, археографического и этнографического отделений, в 1919 г. открылось отделение восточной филологии.

31. Слово «приехали» исправлено на «прислали».

32. Слово книг зачеркнуто карандашом.

33. Габидуллин Хаджи Загидулович (1897-1940) – государственный деятель, кандидат исторических наук (1933), профессор (1934). В 1924-1927 гг. председатель СНК ТАССР. С 1930 г. в Москве, репрессирован.

34. Академический центр – подразделение Наркомата просвещения ТАССР в 1921-1930 гг. Целью деятельности Академцентра было осуществление идейного руководства и координации научно-исследовательской, научно-педагогической, художественной, музейно-архивной и переводческой деятельности в республике. Председателями Академцентра в период деятельности были Г. Г. Максудов (1922-1924), Г. Г. Ибрагимов (1925-1927), М. Х. Тагиров (1927-1928), С. С. Атнагулов (1929-1930).

35. Максудов Гаяз Гисаметдинович (1891-1942) – общественный деятель, журналист, математик, кандидат физико-математических наук (1933). В 1920-1921 гг. научный сотрудник Государственного музея ТАССР и Академического центра. В 1922-1924 гг. председатель Академического центра. В 1925-1926 гг. председатель Главполитпросвета Наркомата просвещения ТАССР. С 1926 г. сотрудник Восточного педагогического института. В 1930 г. исключен из членов ВКП(б).

36. Слово не читается.

37. Год дописан над строкой.

38. Вьсьегонск (Вьсьёгонск) – город (с 1776 г.) в Тверской области.

Список литературы

Валеев Р. М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань, 1998. – 380 с.

Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). – Lambert, 2019. – 303 с.

Тенишева Е. А. Анучин, Онучин Василий Иванович // Русские писатели, 1800-1917: биогр. слов. – М., 1989. – Т. 1: А-Г. – С. 95-96.

References

Valeev R. M. *Kazanskoe vostokovedenie: Istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Oriental studies in Kazan: Origins and development (19th century and the 20s of the 20th century)]. Kazan, Kazan University Press, 1998. – 380 c.

Valeev R. M. *Orientalistika v Kazanskom universitete (1807 – 20-e gg. XX v.)* [Orientalism at Kazan University (1807 – the 20s of the 20th century)]. Lambert, 2019. 303 c.

Tenisheva E. A. *Anuchin, Onuchin Vasily Ivanovich* [Anuchin, Onuchin Vasily Ivanovich]. IN: *Russkie pisateli, 1800-1917: biogr. slov.* [Russian writers, 1800-1917: biogr. slov.]. Moscow, 1989, vol. 1: A-G, pp. 95-96.

Сведения об авторах

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, e-mail: rozazv@mail.ru

Хайрутдинов Динар Рафисович, кандидат филологических наук, доцент Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, e-mail: dynx27@gmail.com

About the authors

Ramil M. Valeev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: valeev200655@mail.ru

Roza Z. Valeeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor at V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, e-mail: rozazv@mail.ru

Dinar R. Khayrutdinov, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor at V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, e-mail: dynx27@gmail.com

В редакцию статья поступила 11.08.2020, опубликована:

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Хайрутдинов Д. Р. «Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924-1925» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 3. – С. 65-90.

Submitted on 11.08.2020, published:

Valeev R. M., Valeeva R. Z., Khayrutdinov D. R. "Vostokovedenie v Kazani: Vostochnyi fakultet dolzhen sushchestvovat pri Kazanskom gosudarstvennom universitete. 1924-1925" ["Oriental Studies in Kazan: the faculty of Oriental studies should exist under Kazan State University. 1924-1925"]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 3, pp. 65-90.